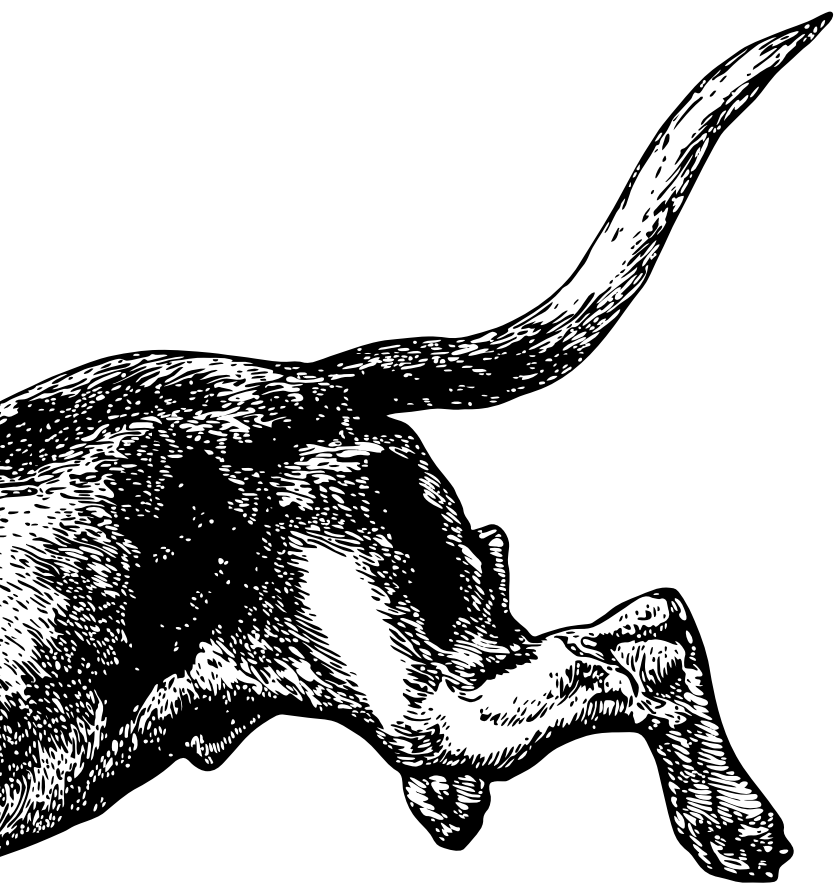

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВОДОПОЙ МАРГО	11
2. ВСЕ КОБЕЛИ — СЕКСИСТЫ	30
3. БЫВАЮТ САМОЧКИ ОПАСНЫ	49
4. ЖИТЬ — ОПАСНО	65
5. КАНЬЯДА-НЕГРА	80
6. ПОЕДИНОК В БАРРАНКЕ	94
7. КТО РАНО ВСТАЕТ, ТОМУ БОГ ПОДАЕТ	106
8. БОРИСОВЫ МЫТАРСТВА	121
9. ЖИВОДЕРНЯ	136
10. КРОВЬ И ПЕСОК	150
11. ТЕО И АРАП	164
12. БЕЗ ЗАКОНА И ХОЗЯИНА	177

Посвящается
Сомбре, Моргану, Мордаунту,
Шерлоку, Румбе и Агате

С тех самых пор, как я обрел
достаточно силы, чтобы разгрызть
кость, снедало меня желание вы-
сказывать все, что сберегла моя
память.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС.
РАЗГОВОР СОБАК

ВОДОПОЙ МАРГО

Мой хозяин ошибался, полагая, что я дерусь за него. Всюду и всегда я дрался за себя самого. В силу происхождения и по складу характера я — прирожденный боец: в те времена, о которых пойдет речь, во мне было пятьдесят килограмм весу и семьдесят четыре сантиметра в холке, а в мою клыкастую пасть поместилась бы детская голова. Я метис — плод скрещения испанского мастифа и филы бразилейро. В бытность мою щенком носил ласковую и забавную кличку, какие дают новорожденным песикам-собачкам, однако слишком много воды утекло с той поры. Прежнее имя я позабыл. И уже давно зовусь Арапом.

Гончий пес Агильюльо¹ — существо слабое, но образованное и с философским скла-

¹ А г и л ю л ь ф о — поденко (podenco), то есть относится к старинной испанской породе охотничьих собак. Хотя Международная кинологическая ассоциация

дом ума — уверяет, что я рожден для боя и моя гладиаторская родословная уходит во тьму времен. По всему судя, мои предки потрошили в горах волков и медведей, а в Колизее — львов, сопровождали римские легионы и рвали варваров в германских лесах и дунайских плавнях, травили индейцев на Карибах и чернокожих беглых рабов в амазонской сельве. Такой вот, брат, у тебя *куррикулум*, то бишь послужной список, говорит Агилюльфо. И, наверно, оттого — от того, что столетиями фатально обречены мы проливать кровь — у собак моей породы со щенячьего возраста глаза глядят со старческой покорностью судьбе, и душа вся в рубцах да шрамах. Человек сделал нас убийцами или вроде того. И мы это знаем.

— Привет тебе, Арап.

— Привет, коллега.

— Как насчет того, чтобы полакать анисовой?

(МКФ) поместила поденко в группу «Шпицы и породы примитивного типа», эти высокие, легконогие, до худобы изящные собаки соединяют в себе черты борзых и гончих. Спор — относить ли собак породы поденко к борзым или гончим — занимает специалистов уже не одно столетие и даже нашел свое отражение в басне «Два кролика» выдающегося испанского поэта и комедиографа Томаса де Ириарте (1750—1791).

— Когда же я отказывался от такого?

— Так пойдем.

Это Агилюльфо первым сказал мне об исчезновении Тео и Красавчика Бориса. В ту ночь я, как обычно, отправился к Водопою Марго, соседствующему с винокурней, которая сливает отходы своего производства в реку, и сидел там, время от времени лакая из желоба, и раздумывал о том о сем, о многом, да ничего особенного не надумал.

В последнее время мне вообще думать все труднее. Голова у меня уже не та, что прежде. Безостановочно крутятся в ней мысли и воспоминания, бередя давно затянувшиеся раны на морде, на лапах и на спине, отчего они будто открываются и кровоточат. Старею, наверно. У нас, у собак, это быстро происходит.

— О чем задумался, Арап?

— Не могу тебе объяснить.

Агилюльфо внимательно вглядывался в меня и явно беспокоился — и с каждой минутой все больше. В такие моменты — а они случались часто — я замирал, погруженный в думу, которая гвоздем сидела у меня в голове, а по всему телу начинали бежать мурашки странной дрожи. И виной тому были не года, а память. Не прошли мне даром два года собачьих боев, где я зарабатывал себе на пропи-

тание: ну, все знают, что это такое — зарешеченная площадка ринга, чертова уйма потных горластых людей выкрикивают ставки, а два бойца с мутными от ярости глазами сходятся в поединке. Смертельном, спешу добавить, поединке — на не жизнь, а на смерть. Такое, сами понимаете, не забывается.

— Иногда мне кажется, будто тебя тут нет. Ушел куда-то.

— Может, и не кажется.

Агилюльфо отпил из желоба и утер морду. Говорю же — культурный пес. Его хозяин собрал большую библиотеку и часто ходит в кино.

— Ты есть, а вроде и нет тебя, — веско подытожил он.

— Вот именно.

— Быть или не быть, как сказал бард.

— Кто? Кто такой бард?

— Понятия не имею. Мой хозяин так его называет.

— А-а.

— Вроде бы пьесы сочинял.

— Надо же.

Я то и дело вновь слышу крики людей, плавающих в табачном дыму, вижу тени убитых или покалеченных мной собак, чьи зубы оставили метки не только на моей черной шкуре, но, кажется, и где-то в душе, — и ощерившись, с не-

громким рычанием постепенно прихожу в себя. Марго-Аргентинка, фландрская бувье, которая служит при Водопое — убирает отбросы и полиэтиленовые мешки, отгоняет кошек и голубей, чтоб не гадили тут, — рассказывает, что, как накатит на меня, я начинаю драться с пустотой, будто ошалел или взбесился.

— В таких случаях, — говорит она обычно, — лучше отвалить и дожждаться, когда он уймется... Потому что Арап, когда он такой, ну просто зверь зверем. Сожрет живьем и не поморщится.

Агилюльфо, пес многознающий и немало повидавший на своем веку, уверяет, что в мире людей мне соответствуют так называемые боксеры.

— Ну, знаешь, эти — малость тронутые оттого, что их много лупят по голове и укладывают мордами в брезентовый настил ринга.

Однако со мной такое происходило редко, а чтобы так кончалась схватка — вообще никогда. Уж поверьте мне, я за свои слова отвечаю. Когда бойцовый пес и вправду утыкается носом в брезент, карьере его, а зачастую и жизни — приходит конец. Если сильно порван — его без лишних слов добивают, а если еще может шевелиться — служит «грушей» для начинающих или, изувеченный снаружи и из-